

Жун Гэ всё обдумал. Вместо того чтобы брать с Бай Юйли деньги за каждый урок, лучше воспользоваться случаем и добросовестно выполнить свою работу.

Сидящий напротив Бай Юйли явно не подозревал, что уже угодил в ловушку, расставленную охотником. Услышав, что Жун Гэ готов согласиться на одно условие, он тут же открыл рот, собираясь дать добро.

Однако Жун Гэ, на всякий случай, остановил его жестом. Даже если кого-то обводишь вокруг пальца, делать это нужно постепенно:

— Не спеши. Сначала выслушай мое условие, а потом уже соглашайся.

Так серьезно?

Глаза Бай Юйли засияли.

Цзян Чэньюэ остался бесстрастным.

— Речь о деньгах? Мой гонорар за серию — триста тысяч. Я могу дать тебе сто, а то и несколько сотен тысяч! — выпалил простодушный Бай Юйли.

У Жун Гэ екнуло сердце, и он слегка заколебался. Но, вспомнив про квартиру стоимостью в двадцать-тридцать миллионов, которую ему обещал Цзян Чэньюэ, он тут же пришел в себя. Генеральный директор Цзян платит куда щедрее.

— Бай Юйли.

— А?

— Если я научу тебя всем боевым сценам в этом сериале, я хочу, чтобы ты больше не питал чувств к господину Цзяну.

Вокруг воцарилась тишина.

Цзян Чэньюэ: «...»

Жун Гэ, у тебя в словаре вообще есть слово «тактичность»?

Изначально Жун Гэ планировал сказать: «Держись в будущем подальше от моего босса», — это звучало бы очень эффектно. Но, видя происходящее, он понял, что картинка не вяжется с образом человека, швыряющегося чеками, и решил немного подкорректировать реплику под ситуацию.

Жаль, что круто не вышло.

Жун Гэ на самом деле не представлял, как отреагирует Бай Юйли. Но если такие слова звучат

из уст телохранителя, это выглядит как заявление прав на объект, а если бы их сказал сам Цзян Чэньюэ — это превратилось бы в жестокий отказ от влюбленного гостя. Конечно, лучше, если злодеем буду я.

Чтобы разрубить узел одним махом, нужно действовать прямо.

Бай Юйли остолбенел, услышав это. В его оцепенении сквозила растерянность, которую он не успел скрыть. Он думал, что Жун Гэ хочет поговорить о деньгах, а оказалось — о чувствах.

Первым его порывом было недоверие, он заикаясь спросил:

— Откуда ты знаешь, что я люблю господина Цзяна?

Жун Гэ помолчал. Это уже давно не секрет. Не говоря о том, что с самого начала у него была инструкция от самого босса Цзяна, даже за те два дня, что он провел на площадке, Бай Юйли постоянно пожирал Цзян Чэньюэ глазами. Любой дурак бы понял, что тот влюблен в его босса.

Но Жун Гэ, конечно, не мог так сказать. Он ответил:

— Твой взгляд говорит о том, что ты его любишь.

Неужели это так заметно?

Бай Юйли невольно отвел взгляд и посмотрел на Цзян Чэньюэ. Тот отвернулся и прикрыл лицо рукой, словно не в силах наблюдать за происходящим.

— Вот оно что.

Он не ожидал, что Жун Гэ настолько проницателен. Бай Юйли посмотрел на красивое лицо Жун Гэ, вспомнил его эффектные поступки и просто не смог отказать:

— Могу я узнать, почему ты хочешь, чтобы я так поступил?

Отличный вопрос. Жун Гэ не собирался придумывать оправдания. Раз уж одному нести это бремя тяжело, пусть оно станет общим.

Жун Гэ решительно перевел взгляд на лицо Цзян Чэньюэ, схватил его за руку и заставил посмотреть себе в глаза. Их взгляды скрестились.

— Потому что я к господину Цзяну... — он сделал паузу, оставив простор для воображения, — ...очень привязан.

Цзян Чэньюэ не хотел продолжать этот зрительный контакт, но Бай Юйли в этой тишине кое-что осознал. Оказывается, Жун Гэ глубоко и искренне любит господина Цзяна. Неудивительно, что когда он пытался обнять босса, Жун Гэ оттолкнул его. Неудивительно, что каждый раз, когда он смотрел на Цзян Чэньюэ, Жун Гэ вставал между ними.

Бай Юйли был тронут такой преданностью:

— Я понял... Дай мне два дня, я хочу все обдумать.

Жун Гэ завершил свое выступление, взял со стола банку колы и с артистичным жестом поднял ее, отдавая дань уважения Бай Юйли за то, что тот поверил в эту импровизацию.

— Хорошо, думай сколько хочешь. Решай, хочешь ли ты тайно поразить всех или предпочтешь остаться при своих чувствах к Цзян Чэньюэ. Жду твоего ответа.

— Что ты тогда хотел сказать, когда упомянул, что привязан ко мне? — спросил Цзян Чэньюэ, когда они покинули съемочную площадку.

Жун Гэ был так ошарашен внезапным вопросом, что не сразу понял:

— Я там столько наговорил, ты о чем именно?

Видя, что Цзян Чэньюэ не сводит с него глаз, Жун Гэ, вздохнув, попытался вспомнить ту самую фразу.

— А, ты об этом? Я к тебе...

— Глубоко и искренне привязан? — подсказал Цзян Чэньюэ.

Жун Гэ рассмеялся:

— И так понятно, что я бы не стал продолжать в таком духе. Босс, почему ты до сих пор заиклен на этом?

Жун Гэ чуть было не обнял Цзян Чэньюэ по-приятельски за плечи, но вовремя вспомнил, что они еще не настолько близки.

— Ты видел выражение лица нашего Карпика? Говорю тебе, тут точно что-то выгорит.

Если присмотреться, в лице Бай Юйли не было боли, только шок. Видимо, его любовь к Цзян Чэньюэ не так уж глубока. Просто Цзян Чэньюэ был тем, кто вытащил его из жизненной ямы, вот он и привязался. Если Жун Гэ продолжит так давить, Бай Юйли, возможно, поймет, что благодарности в его чувствах гораздо больше, чем любви.

— В конце концов, я не требую, чтобы он разлюбил тебя прямо сейчас. Вот научится у меня боевым искусствам — тогда и поговорим. А если не захочет — так не захочет.

Цзян Чэньюэ лишь неопределенно хмыкнул. Легко сказать. Бай Юйли любил его два-три года и даже собирался признаться в любви в море роз на день рождения. Вряд ли он так просто сдастся. Но Цзян Чэньюэ не стал озвучивать эти мысли, чтобы не подрывать уверенность Жун

Гэ.

— Посмотрим через пару дней, что скажет Бай Юйли.

Изначально они планировали остаться в отеле всего на две ночи, но из-за этой истории Цзян Чэньюэ молча продлил бронь на месяц. Он опасался, что Бай Юйли может совершить глупость или разругаться с Жун Гэ, поэтому решил задержаться и проследить за ходом дела.

Жун Гэ же, казалось, вовсе не беспокоился. Он целыми днями то гулял по окрестностям, то заглядывал на съемочную площадку, подружившись почти со всей командой. Режиссер Чжан даже начал про себя отмечать, что этот Жун Гэ — человек непростой.

Бай Юйли держал слово. Как обещал — два дня, так и вышло. Как только срок истек, он сам нашел Жун Гэ.

— Жун Гэ, я все решил. Боевые искусства привлекают меня больше, чем господин Цзян.

В конце концов, если Жун Гэ любит господина Цзяна, то он отступит. Господин Цзян так добр к нему, Жун Гэ тоже так добр к нему — пусть эти двое будут счастливы.

— Я согласен на твоё условие. Если ты научишь меня драться, я больше не буду любить господина Цзяна. Но у меня есть маленькая просьба.

— Слушаю, — ответил Жун Гэ.

Бай Юйли украдкой взглянул на его красивое лицо, и мысль о том, какой же он классный, снова нахлынула на него. Он зажмурился:

— Можно мне дать немного времени, чтобы чувства исчезли?

Эти эмоции впитались в кости. Он не может просто пообещать и тут же перестать смотреть на господина Цзяна.

Жун Гэ согласился. Когда он пересказал слова Бай Юйли, Цзян Чэньюэ даже не поверил.

— Он правда так сказал?

— Правда, — кивнул Жун Гэ.

— И все так просто?

— Да. Продал Цзяна ради Жун Гэ.

Цзян Чэньюэ: «...»

Хотя Бай Юйли и согласился, это означало лишь прорыв в работе Жун Гэ, а не гарантированный результат. Цзян Чэньюэ не мог постоянно находиться на площадке, поэтому перед отъездом дал Жун Гэ несколько указаний.

Во-первых, не мешать Бай Юйли сниматься. Во-вторых, не портить ему настроение, стараясь, чтобы расставание с чувствами прошло безболезненно.

А в-третьих:

— В-третьих, не вздумай брать с него плату за уроки, пока меня нет.

В конце концов, Бай Юйли — артист его компании, им еще встречаться. Методы Жун Гэ были настолько дикими, что Цзян Чэньюэ оставалось лишь надеяться на эффективность этого плана.

Жун Гэ удивленно вскинул брови:

— Ты за кого меня принимаешь?

Цзян Чэньюэ промолчал, лишь издал короткое «ха». Жун Гэ в ответ издал два таких же «ха». Если бы у него были деньги, он бы заставил Цзян Чэньюэ оплатить его моральный ущерб.

Полгода пролетели незаметно. Жун Гэ снял в отеле зал, велел убрать оттуда всю мебель и сделал его своей тренировочной базой. Все было окутано тайной: никто, кроме Бай Юйли, не знал об этом месте.

Бай Юйли тренировался до изнеможения. Днем он работал с постановщиком боев, а по ночам тайком учился у Жун Гэ. Он даже во сне размахивал мечом — говорят, однажды свалился с кровати, но, к счастью, завернулся в одеяло и не пострадал.

Благодаря таким нагрузкам Бай Юйли начал добиваться права исполнять трюки самостоятельно. Пусть по сложности он пока уступал Гун Линьюю, но благодаря танцевальному прошлому его движения были гораздо эстетичнее. Команда даже смонтировала ролик с его тренировками и выложила в сеть, что вызвало восторг у фанатов.

Второй главный герой, Гун Линьюй, недоумевал: откуда у Бай Юйли такой прогресс? Он долго следил за его тренировками с наставником и никак не мог понять, в чем секрет. В голове Гун Линьюй зародилась странная догадка: неужели Бай Юйли нанимает частного тренера за свои деньги?

Он не знал, что Бай Юйли платит не деньгами, а своей глубокой любовью к господину Цзяну. И сегодня он снова обменивал эту любовь на урок фехтования от Жун Гэ.

— Ну что, после полумесяца тренировок чувствуешь, что можешь летать по стенам?

— Для такого нужна страховка, — ответил Бай Юйли.

Жун Гэ бросил ему бутафорский веер, а сам взял тренировочный меч.

— И так сойдет. База есть, а если добавить твой актерский талант, любая сцена будет смотреться круто.

Но сегодня они успели потренироваться всего пять минут, как Жун Гэ позвонил Цзян Чэньюэ. Он сообщил, что только что приехал и стоит у входа в отель.

— Босс приехал с проверкой, постарайся, — сказал Жун Гэ.

Бай Юйли показалось это странным. Если Жун Гэ любит босса, то не так уж сильно, а если не любит — зачем заставлять его отказываться от чувств?

Жун Гэ знал, что Бай Юйли сомневается, но не мог же он сказать: «Ты — моя годовая премия». Поэтому ему приходилось время от времени играть роль ревнивца.

Как сейчас.

Цзян Чэньюэ вошел в зал, и Бай Юйли тут же отвлекся. Его взгляд прилип к мужчине, которого он не видел полмесяца. Жун Гэ, заметив это, вскинул бровь и кончиком тренировочного меча подцепил парик Бай Юйли, который тот не успел снять после съемок, и поднял его в воздух.

Бай Юйли ощутил, как затылок обдало холодком.

— Этот прием называется «открой свое личико», — усмехнулся Жун Гэ.

Автор:

Цзян Чэньюэ: Ты называешь это ревностью?

Бай Юйли: Этот прием называется «жестокое избиение ребенка».

<http://bllate.org/book/18681/1805147>